

Траина, сына Сигфуса. Там стояло восемь человек, но они ничего не могли мне сделать. Еще не бывало случая, чтобы я промахнулся, нанеся этой секирой удар по врагу.

Он оттолкнул своих братьев и своего зятя Кари и подошел к Торкелю. Он сказал:

– Выбирай, Торкель Дерзкий! Либо спрячь меч в ножны и садись на место, либо я хвачу тебя секирой по голове и раскрою ее до плеч.

Тут Торкель сел на место и спрятал меч в ножны. Такого с ним никогда не бывало ни до этого, ни после. Асgrim со своими спутниками вышли из палатки. Скарпхедин сказал:

– Куда мы пойдем теперь?

Асgrim ответил:

– Домой, к себе в палатку!

– Вот мы идем, устав просить, к себе домой! – сказал Скарпхедин.

Асgrim повернулся к нему и сказал:

– Частенько ты был резковат на язык, но здесь, мне кажется, Торкелю досталось от тебя поделом.

И они пошли домой, к своей палатке, и очень подробно рассказали Ньялю обо всем. Он сказал:

– Будь что будет, раз уж так суждено.

Гудмунд Могучий узнал, что произошло между Скарпхедином и Торкелем, и сказал так:

– Вы, верно, знаете, что случилось со мною и людьми с Льосаватна. Но я не понес от них такого посрамления, какое понес Торкель от Скарпхедина. И это очень хорошо.

Потом Гудмунд сказал Эйнару с Тверы, своему брату: – Возьми всех моих людей, поезжай и поддержи сыновей Ньяля, когда начнется суд. А если им понадобятся люди и на следующее лето, то я сам помогу им.

Эйнар согласился и велел передать это Асгриму. Асgrim сказал:

– Не много у нас таких хавдингов, как Гудмунд! И он рассказал потом об этом Ньялю.

СХХІ

На следующий день встретились Асgrim, Гицур Белый, Хьяльти, сын Skeggi, и Эйнар с Тверы. А еще был там Мард, сын Вальгарда. Он тем временем отказался от права вести тяжбу и передал его сыновьям Сигфуса. Тут Асgrim говорит:

– К тебе первому я обращаюсь, Гицур Белый. И к вам, Хьяльти и Эйнар. Я хочу рассказать вам, как обстоит наше дело. Вы, верно, знаете, что Мард начал тяжбу против нас. Но дело в том, что Мард сам участвовал в убийстве Хаскульда и нанес ему рану, виновник которой не был назван. Мне кажется, что этот пек будет вообще незаконным.

– Так давайте объявим сейчас же об этом, – говорит Хьяльти.

Торхалль, сын Асгрима, говорит:

– Разумнее было бы скрыть это до того, как начнется суд.

– Почему? – спрашивает Хьяльти.

Торхалль отвечает:

– Если они сейчас узнают о том, что они повели дело неправильно, то они смогут все исправить, послав тотчас же с тинга человека домой, чтобы вызвать ответчиков на суд, а соседей назвать на тинге. Тогда иск будет законным.

– Мудрый ты человек, Торхалль, – говорят они, – и пусть будет по-твоему.

После этого все разошлись по палаткам.

Сыновья Сигфуса предъявили свой иск со Скалы закона, спросили ответчиков о том, какого они тинга и где живут. В ночь с четверга на пятницу должен был начаться суд. До тех пор на тинге все было спокойно. Многие старались помирить тяжущихся, но Флоси противился этому, а у других было столько отговорок, что было видно, что из этих попыток вряд ли что выйдет.

И вот в ночь с четверга на пятницу начался суд. Все, кто был на тинге, пошли на суд. Флоси со своими людьми стоял к югу от суда людей с Ранги. С ним были Халль из Сиды, Рунольв из Даля, сын Ульва Аургоди, и другие, кто обещал Флоси поддержку. А к северу от суда людей с Ранги стояли Асgrim и Гицур Белый, Хьяльти и Эйнар с Тверы. Сыновья же Ньяля, Кари, Торлейв Ворон и Торgrim Большой остались, вооруженные, дома, в палатке, так что едва ли кто-нибудь решился бы напасть на них.

Ньяль предложил судьям занять свои места. Сыновья Сигфуса начали тяжбу. Они назвали сви-